

С колокольчиком

Папашу моего в нашем округе каждый козел знает: лабаз у него на выгоне, супротив больницы, - первеющий на селе. Крыша с накатцем, гремучего железа. В бочке кот сибирский на пшене преет - чистая попадья. Чуть праздник, в хороводе королевича вертят - беспрременно все у нас рожки да подсолнухи берут.

По делам прилучится куда папаше смотаться, не то чтобы в телеге об грядку зад бил, мыша пузастого кнутовищем настегивал, - выезжал пофорсистее нашего батальонного. Таратаечка лаковая, передок расписной, дуга в елочках, серый конек - вдоль спины желобок, хвост двухаршинный, селезенка с пружиной... Сиди да держись, чтоб армяк из-под облучка не ушел... Кати, поерзывай да вожжи подергивай. Колокольчик под дугой, будто голубь пьяненький, так и зайдется. С амбицией папаша ездил, не то чтобы как... Покатил он как-то в уездный город соль-сахар закупать. Пыль пылит, колесо шипит, колокольчик захлебывается. Только в городок вплыл, ан тут на первом повороте у ис-правникова дома и заколодило. Ставни настезь, новый исправник - бобровые подусники, глаза пупками - до половины в окно высунулся, гремит-кричит:

Летит папаша по столбовой дороге, коня шпандорит, направление к станции держит. Про село свое и думать забыл, до того его амбиция распирает.

Докатил до водокачки, вожжи работнику бросил.

- Вертайсь, Сема, домой! Лабаз на три дня замкнешь, пока я в Питер, туда-сюда, смахаю. Удавлюсь, а не поддамся.

Навернула машина на колеса, сколько ей верст до Питера полагается, - и стоп. Вышел родитель из вагона, бороду рукой обмел, да так, не пивши не евши, к военному министру и попер. Дорогу не по вехам искать: прямо от вокзалу разворот до Главного Штабу идет, пьяный не собьется. Взошел он в прихожую, старший городской - медали от плеча к плечу так и прыщут - спрашивает: - Эй, любезный, чего надоть? С черного хода бы пер, а сюда одни господа достигают. Фамилия твоя как?

- Губарев, братец. К военному министру по личному делу. Доложи-ка, почтенный.

- Он самый. Стало быть, о нем и в Питере известно?

- Как же-с, помилуйте. Ах ты, господи...

Бросил тут городской и пост свой, веничком папашу почистил да галопом за адъютантом, адъютант - за флигель-адъютантом. Повели моего родителя под локти, будто сдобного архиерея, к самому министру. Генералы, которые в

очереди дожидались, только с досады отворачиваются.

Министр, жидкий старичок в густых эполетах, сам навстречу двери распахивает:

Отчего же моему папаше и не перекусить. Харч генеральский, да в дороге он с амбицией, не пивши не евши, аппетит-то нагулял...

Затрезвонил тут генерал во все кнопки - денщику самовар заказал, - поворачивайся! Генеральша с закусками вкатывается.

- Ах, ах! Какого бог гостя послал! Супруга ваша в добром ли здоровьице?

Ножки у нее все затекают, слыхала. Бычок ваш черненький, поди, совсем в возраст вошел?! Сынок-то ваш все отличается... Скоро, поди, в ефрейтора его произведут, отделенным назначат...

Известно, женщина интересуется.

Дочка генеральская тут, про сынка услышавши, про меня то есть, из-за портьерки хрящики высунула - сухопарая, питерская жилка.

- Ах, мамаша! Не прихватили ли они солдатику энтова фотографию? Очинно интересно. Сказывали - чистый шантрет, рост гвардейский, взгляд злодейский... Петрушей зовут...

Ну, генерал тут на них зыкнул, бабий ихний департамент за дверь выставил.

Выпил он с родителем чашек по пяти с кизилковым вареньем, чашки перевернули, генерал и говорит:

- Вали, Губарев! В чем твоя до меня надобность? Кому же и услужить, как не тебе, голубю. По сыну и отцу честь.

Папаша ему доподлинно про исправника да про колокольчик и доложил.

Разбульонился тут генерал, не знает, в какую кнопку и звонить...

- Ах он, воевода дырявый! Да что ж он - о двух годах? Тебе, Губареву, да колокольчики воспрещать?.. Который сына такого произвел, пятой роты Галицкого полка, Петра Губарева? По всей империи из всех солдат первый.

Обдумай сам, гордый старик, - как исправника порешишь, так и будет. Хоть с места его долой, хоть в женский монастырь на покаяние. Воля твоя.

Папаша, конечно, бороду надвое распустил, солидным голосом выражает:

- Мы, ваше превосходительство, не черкесы, какие. Без молитвы и комара не уьем. Пусть он, ерыкала, на своем месте сидит. Только желаю я бумагу от вас получить форменную насчет колокольчика. Чтобы права свои определить. А то он мне завтра, серого звания человеку, и чихать воспретит, как я мимо его дома проезжаю.

- Ладно, не воспретит. Как бы сам не расчихался. Кликнул генерал старшего писаря, настрочил папаше орленую бумагу: хоть по всей империи с бубенцами раскатывай, не то что по своему уезду.

Папаша полой усы обтер, крест-накрест с генералом почмокался да на ухо ему кой-чего и сказал: "Приписку, мол, на обороте, такую и такую нельзя ли

сделать по этому самому делу?"

Усмехнулся военный министр, однако перечить не стал - приписал. Выдали тут родителю обратный билет по первому классу, генеральша холодных каклет на дорогу выслала да мне шелковый платочек.

Доехал папаша благополучно. Из первого класса на своей станции с узелком вышел - борода вперед, живот гоголем, - начальник в красной фуражке так глаза и вылупил. Не иначе как Губарев подряд в Питере взял: на всю аглицкую нацию мятные пряники поставлять. Однако ж экипажа на мягких рессорах ему не подано...

Зашкандыблял старый хрен в свое село. Пташки поют, телеграфная проволока гудет, а папаше наплевать. Отмахал пять верст, достиг до своей резиденции. Мамаша колобком с крыльца скатывается: "Ах да ох! Да куда же ты, орел, запропастился? Да чайку, соколик, не соизволишь ли? Да баньку, голубчик, не истопить ли?"

Отстранил он мамашу категорически - какая тут баня... Одно у него в думке: как бы ему скорей исправника выпарить, а сам-то успеет.

Приказал работнику в ту же минуту Серого запрягать. Сам в лабаз взошел, выбрал два бубенца-глухаря, которые побасистее, да к дуге их по бокам колокольчика и прикрутил. Для перебойного рокота, для густой политуры...

Покатил в уезд. Работник рядом на облучке кишки подобрал, удивляется: в игумны, что ли, хозяина произвели, экое дело он затеял. Однако молчит.

Потому мой папаша поведения кроткого - чуть на него не потрафишь, такую тебе выволочку задаст, что и фельдфебеля родной матерью назовешь.

Подъезжает он к городку, бубенцы скворчат, колокольчик подзывает.

Серый наш так пухом и стелется. Влетел с перезвоном в улочку, перед исправничьим домом чуть попридержался. Трах - ставни настезь,- его ско-родие в архалуке весь фасад на улицу выставил, баки по ветру, глаза пьявками, клюквой весь так и залился.

Не успел служивый холуек штанцы подтянуть, из сарая выскочить, аи родитель мой к самой оконнице подкатил да исправнику в баки орленую бумагу и сунул:

- Не шуми, роцца, дубраву разбудишь... Теперь захочу, хочь Серому весь хвост бубенцами изукрашу. Читай, ваше скородие!

Глянул исправник в бумагу, архалук запахнул да кота любимого, который с подоконника лапкой его теребил, так об пол и шваркнул. На ком боле злость сорвать... А папаша, умильный старик, тут пару и поддал:

- Переверни, господин, бумагу-то. Там для тебя самый смак-то и обозначен.

Обернул исправник папашин патент, а там и прописано, - хвост Фоме залупили да репей прицепили:

"Исправнику, имя рек, за то, что папашу рядового Губарева пятой роты

Галицкого полка напрасно избидел, - форменно воспрещается с колокольцами по своему городу-уезду раскатывать. Езжай, сукин кот, вглухую".

Съел он блин, даже и в маслице не омакнувши. Как у нас, братцы, говорится: приданое на грядке, а увечье на спине...

"Трень-брень, теле-пень, на нос валенку надень..."